

ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Если бы современный мир оказался на приеме у психиатра, заполнял анкеты и участвовал в тестах на когнитивные функции, какой бы диагноз ему поставили? Диссоциативное расстройство идентичности? Биполярное аффективное расстройство? Шизофрения? А может, это вообще какое-то новое заболевание, еще не описанное в справочниках?

Начнем с того, что мир страдает острой **цифровой паранойей**. Он постоянно чувствует, что за ним наблюдают – и что самое интересное, он абсолютно прав. Алгоритмы действительно отслеживают каждый его шаг, анализируют каждый запрос в Гугле, предугадывают каждое желание. Но разве не является критерием паранойи именно то, что преследование существует лишь в воображении пациента? Вот и получается парадокс: мир параноидален, но имеет для этого все основания. **Уникальное состояние "обоснованной паранойи" – патология, которая одновременно является рациональной адаптацией. Современный человек вырабатывает защитные механизмы против неизбежного наблюдения. В этом его отличие от классических параноиков прошлого: он не столько боится преследования, сколько изобретает все более изощренные способы "нормализовать" тотальную прозрачность своей жизни.**

К этому тесно примыкает **ангедония** – неспособность испытывать удовольствие от обычных вещей. Человечество находится в бесконечной погоне за новыми, все более интенсивными стимулами. Простые радости уже не насыщают: созерцание природы заменено экстремальными развлечениями, традиционная еда – изысканной гастрономией, проявления эмоций – виртуальной стимуляцией. Парадоксально, но параллельно с этой гонкой за интенсивными ощущениями растет феномен социальной изоляции – все больше людей избегают взаимодействия с людьми, страшась их непредсказуемости и эмоциональных требований. Мы повышаем дозу виртуальных раздражителей, но их воздействие делается все слабее. Порог чувствительности растет, а вместе с ним – и тщетность наших попыток испытать хоть что-то подлинное. **Это противоречие между гедонистической эскалацией и аскетическим эскапизмом напоминает то, что нейробиологи обнаружили у лабораторных крыс, чьи центры удовольствия стимулировались электродами. Животные до полного изнеможения нажимали жали на рычаг стимуляции, игнорируя пищу и воду, и при этом демонстрировали признаки стресса и страха. Мы создали мировую архитектуру дофаминовых ловушек, одновременно разрушив экосистемы**

естественного вознаграждения.

Налицо и признаки **информационной булими**. Мир поглощает гигантские объемы данных, новостей, мнений, гипотез, теорий – но не усваивает их, не интегрирует в связную картину, а почти сразу отбрасывает их, чтобы освободить место для новой информации. Он насыщается, но не питается, наполняется, но не обогащается. Это скорее симптом **обсессивно-компульсивного расстройства**: бесконечное потребление информации как ритуал, который должен защитить от тревоги неизвестности. **Интересно, что подобная информационная патофизиология наблюдается и на нейрональном уровне при развитии некоторых форм деменции.** Здесь речь идет о метафоре, а не о буквальном механизме возникновения деменции на коллективном уровне. **Информационный шум блокирует формирование осмысленных общественных нарративов.** Мы находимся на пороге явления, которое можно назвать «**коллективной деменцией**» – растущей неспособности сохранять и передавать существенное знание при номинальном росте его объемов.

А что сказать об **экзистенциальной прокрастинации**? Человечество откладывает решение фундаментальных вопросов под предлогом недостатка данных или ресурсов. Мы десятилетиями слышим о надвигающемся демографическом кризисе, о перспективах исчерпания ключевых ресурсов, о проблемах с пенсионной системой – но каждый раз находим причины перенести принятие радикальных мер на будущее. «Следующее поколение разберется» – девиз нашего коллективного инфантилизма. **Примечательно, что эта прокрастинация имеет свою социальную географию и экономику.** Развитые страны делегируют экологические издержки развивающимся, средний класс перекладывает труд заботы на плечи мигрантов, старшие поколения оставляют экологический долг младшим. Формируется пирамидальная структура глобального промедления, где каждый уровень оттягивает столкновение с неизбежным за счет уровня ниже. Это напоминает **финансовую пирамиду**, где верхние участники получают иллюзию решения проблем за счет нижних, с той только разницей, что на самом нижнем уровне этой пирамиды находятся еще не рожденные поколения – идеальные «**инвесторы**», которые не могут предъявить претензии.

Мир определенно страдает от **синдрома дефицита внимания**. Он не может сконцентрироваться ни на одной проблеме достаточно долго, чтобы ее решить. Климатический кризис, растущее неравенство, локальные войны, эпидемии – все это мелькает

в сознании, как слайды в проекторе, но ни на чем не удается задержать внимание. **И все же в этом калейдоскопе существуют острова гиперфокусировки.** Парадоксально, но именно эпоха рассеянного внимания породила феномен «глубокого погружения» (deep dives) в специализированные темы. Сообщества культивируют практики интенсивного изучения узких тем, создавая сверхдетальные карты микротерриторий знания. Так формируется фрактальная структура современного познания: поверхностное скольжение по глобальной повестке сочетается с точечными погружениями в сверхспециальные области. Результат – когнитивная карта с экстремальным рельефом, где плоские равнины общего знания соседствуют с глубокими каньонами экспертизы, часто изолированными друг от друга.

А как насчет нарциссического расстройства личности?

Современный мир убежден, что он особенный, уникальный, что никогда прежде человечество не сталкивалось с такими вызовами, не стояло на таком перепутье, не находилось в таком критическом положении. Он считает себя кульминацией истории, ее смысловой вершиной. Он не способен извлекать уроки из прошлого, потому что уверен: прошлое ничему не может его научить, оно слишком примитивно. **Однако при ближайшем рассмотрении этот нарциссизм оказывается обратной стороной глубокой неуверенности в себе. Мы боимся оказаться лишь очередным видом, чьи притязания на особое место в космосе окажутся ничем не примечательным эпизодом вселенской эволюции.** Миру можно диагностировать и **биполярное расстройство.** Он колеблется между полюсами эйфории и депрессии. То упивается своими технологическими достижениями, верит в светлое будущее, убеждает себя, что достаточно «просто изобрести» еще что-нибудь – и все проблемы решатся. То впадает в апокалиптическое отчаяние, усматривает конец света за каждым углом, пророчит гибель цивилизации от очередного вируса, астероида или искусственного интеллекта. **Эти колебания имеют свои отчетливые географические и хронологические паттерны.** В 1950-х технооптимизм доминировал в западных обществах параллельно с атомной тревожностью. В 2000-х цифровой энтузиазм Силиконовой долины сосуществовал с экологическим пессимизмом Европы. Сегодня глобальный Юг демонстрирует эйфорию быстрого развития, типичную для индустриальной фазы, в то время как постиндустриальный Север погружается в рефлексивную меланхолию.

Нельзя не отметить и синдром **выученной беспомощности.** Современный человек убедил

себя в бессмысленности личных действий перед лицом системных проблем. «Зачем отказываться от пластика, если основное загрязнение создают корпорации?» Парадоксально, но мир, предоставляющий беспрецедентные возможности для индивидуального действия, породил массовое ощущение собственного бессилия. **Тем не менее, эта беспомощность распределена неравномерно. В то время как одни группы людей погружаются в фатализм, другие культивируют в себе гипертрофированное чувство контроля – иллюзию всемогущества через технологии или эзотерические практики. Так формируется новая диалектика силы и бессилия: чем сильнее технологическое расширение возможностей, тем острее переживание их иллюзорности.**

Но самый точный диагноз, пожалуй, – это **шизофрения**. Расщепление сознания, разрыв между мышлением и реальностью. Мир одновременно верит в несовместимые вещи: в безграничный экономический рост и сохранение природы, в свободу личности и тотальную безопасность, в глобализацию и национальный суверенитет. Он строит логически безупречные, но абсолютно оторванные от реальности модели, создает параллельные вселенные, в которых действуют свои законы причинно-следственных связей. **Отсюда не только расщепление реальности, но и отчаянными попытками ее склейки. В публичном дискурсе последних десятилетий нарастает лавина неологизмов, часто возникающих на стыке несовместимых семантических полей: «экологический капитализм», «устойчивый рост», «глобальное соседство», «цифровой детокс». Эти языковые гибриды – симптомы отчаянных попыток склеить расползающуюся ткань реальности, соединить несоединимое. Мышление в своих попытках примирить противоречия создает новые синтетические структуры, которые логически невозможны, но психологически необходимы. Подобно тому как шизофреник может верить, что он одновременно жив и мертв, современный человек верит, что он одновременно свободен и детерминирован, уникalen и взаимозаменяем, всемогущ и бессилен.**